

ББК 63.3(2)5

Ю.А. Лысенко

**Развитие исламского общественного движения
в Казахстане в начале XX в.
и позиция региональных органов власти**

Yu. A. Lysenko

**Development of Islamic Social Movement in Kazakhstan
in the Early XXth Century and the Position
of the Regional Authorities**

Анализируется законодательная база Российской империи по вопросам регистрации и организации деятельности общественных организаций. На примере мусульманских просветительных обществ Актюбинска и Копала рассматривается позиция региональных органов власти на проблему активизации мусульманского общественного движения в Казахстане в дореволюционный период.

Ключевые слова: Российская империя, ислам, Казахстан, общественное движение.

В начале XX в. Российская империя вступила в эпоху социально-политических преобразований, связанных в необходимостью кардинального реформирования основных принципов государственного устройства и формы правления. Данные процессы сопровождалась ростом политической активности населения империи, выразившейся в формировании многовекторных по социальному составу и целям деятельности общественных организаций.

В условиях поликонфессиональности России значительное место в зарождении основ гражданского общества принадлежало религиозным объединениям. Наиболее активный их рост наблюдался в национальных имперских окраинах, население которых связывало буржуазные преобразования начала XX в. с идеями религиозной свободы и национальной независимости.

Организационные механизмы и принципы функционирования общественных организаций были определены Манифестом 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и получили дальнейшее правовое закрепление во Временных правилах об обществах и союзах 4 марта 1906 г. [1]. Формирование законодательной базы выступило мощным стимулом развития общественного движения Российской империи, в том числе религиозного.

This article examines the legislation of the Russian Empire related to the questions of registration and organization of public organizations. On the example of Muslim educational societies in Aktubinsk and Kopal the author considers attitude of regional authorities to the problem of revitalization the Muslim social movement in Kazakhstan in the pre-revolutionary period.

Key words: Russian Empire, Islam, Kazakhstan, public movement.

Мусульманские народы центральноазиатских окраин Российской империи в начале двадцатого столетия активно интегрировались в общероссийское исламское движение. На территории Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в этот период наблюдался рост влияния ислама на общественно-политическую и религиозно-культурную жизнь местного населения, увеличивалась численность мусульманских культовых и учебных заведений, количество обращений мусульманских общин к региональным властям с просьбами о регистрации их общественно-религиозных объединений и т. д.

Инициаторами создания мусульманских организаций в Казахстане в начале XX в., как правило, выступали местные татарские общины. Наиболее крупные из них проживали в Актюбинске, Семипалатинске, Копале и Сергиополе. Интересным в связи с этим представляется вопрос о том, как реагировали местные органы власти на активизацию мусульманского общественного движения в регионе, насколько эффективным в вопросах регистрации религиозных обществ оказывалось их взаимодействие. Ответ на данный вопрос представляют материалы по истории создания двух мусульманских общественных организаций Актюбинска и Копала, выявленные нами в Центральном государственном архиве Республики Казахстан.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 12-01-00281 «Политика России в Центрально-азиатских национальных окраинах (Степной край и Туркестанское генерал-губернаторство) в XIX – начале XX в.», проект РГНФ №12-31-09012 «Центрально-азиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность».

В рамках действующих Временных правил об обществах и союзах, позволяющих начать процедуру регистрации без правительственного разрешения (ст. 2), в январе 1908 г. на имя тургайского губернатора И. М. Страховского поступило заявление от жителей Актюбинска с просьбой о регистрации мусульманского общества. Инициатива открытия общества принадлежала лидерам татарской диаспоры Актюбинска А. Морозову, С. Г. Алюкову, Г. С. Губайдуллину, М. Г. Далатказину, Ф. Ф. Забирову, З. Ш. Шарафутдинову. Сама диаспора к этому моменту играла значительную роль в общественно-религиозной жизни области и города. На ее средства в Татарской слободе Актюбинска в начале XX в. была построена мечеть и функционировало два русско-татарских училища: мужское и женское [2, л. 1].

Вместе с ходатайством Актюбинское мусульманское общество представило на утверждение Тургайской областной администрации проект устава. Характер деятельности будущей организации определялся как просветительно-благотворительный, основные направления работы сводились к открытию исламских учебных заведений и оказанию материальной помощи нуждающимся единоверцам.

Почти год длилась процедура проверки соответствия содержания проекта устава «общим законам и распоряжениям правительства». Наконец, в феврале 1909 г. на заседании Тургайского областного правления была вынесена резолюция, согласно которой проект представлял «в себе все данные, требуемые указанными правилами». На основании этого было принято решение о регистрации мусульманского просветительно-благотворительного общества Актюбинска [2, л. 3]. Регистрация общества производилась путем внесения его в реестр, который велся в данном случае Тургайским областным правлением. Общество считалось легализованным с момента внесения его в реестр (ст. 23 Временных правил), после чего экземпляр его устава возвращался учредителям с соответствующей визой губернатора (ст. 24).

Завершив процедуру регистрации, мусульманское общество Актюбинска развернуло многоплановую деятельность. Приведя свои первые заседания, оно приняло решение об избрании при Актюбинской мечети высшего духовного лица — муаззина, содержание которого общество брало на себя. Уже в марте 1909 г. общество обратилось к Актюбинскому уездному начальнику с просьбой об утверждении этой должности. А немного позднее на заседании общества было принято решение о строительстве мечети в Татарской слободе Актюбинска [2, л. 16].

У региональной власти столь активная деятельность мусульманского общества вызвала определенное беспокойство. Актюбинский уездный начальник в срочном порядке обратился за разъяснением в правомочности действий общества в Тургайское областное

правление. В январе 1910 г. он получил ответ от тургайского губернатора И. М. Страховского со ссылкой на Временное положение об управлении степными областями (ст. 97, 98), в рамках которого «для мусульман региона определено звание только мулл, а звание муаззина законом в степных областях не положено» [2, л. 16–17].

Однако И. М. Страховский не ограничился исключительно комментариями сложившейся ситуации. Воспользовавшись правом, которое ему предоставляли Временные правила об обществах и союзах (ст. 33, 36), он отдал распоряжение о проведении «местного дознания» с тщательным анализом протоколов заседания Актюбинского мусульманского общества, по итогам которого внес на рассмотрение Тургайского областного присутствия предложение о его закрытии. Основанием стали результаты «дознания», которые позволили сделать выводы о том, что общество в своей деятельности допустило нарушения, «уклонившись от закона и от заявленных в его уставе условий деятельности».

В резолюции тургайского губернатора Тургайскому областному правлению от 3 мая 1910 г. подчеркивалось, что ст. 4 Временных правил об обществах и союзах запрещала реализацию «религиозных целей», под которыми подразумевался запрет на строительство мечетей мусульманскими обществами и содержание духовенства при них. По уставу общества, определявшего его как просветительское, также не предполагалось строительство мечетей, в то время как «на содержание школ и мечети расходовались почти все средства общества». Превышение полномочий общества увидели и в его просьбе разрешить членам общества избрание местных исламских духовных лиц, что шло вразрез с существующим законодательством [2, л. 20–20об.].

Слушания по делу Актюбинского мусульманского общества были назначены на 28 мая 1910 г. в Тургайском областном правлении. В рамках действующих Временных правил об обществах и союзах актюбинскому уездному начальнику было предписано сообщить об этом руководству общества и пригласить его на заседание. Однако «никто из членов названного общества в назначенный день не явился», несмотря на данное обстоятельство, Тургайское областное правление вынесло решение о его закрытии [2, л. 21].

Получив через актюбинского уездного начальника уведомление о закрытии общества, лидеры мусульманской общины воспользовались ст. 38 Временных правил об обществах и союзах, позволяющей обжаловать решения областного присутствия в первом департаменте Правительствующего сената. Основанием для обжалования стали претензии о несвоевременности предоставления информации руководству мусульманского общества о предстоящем заседании

Тургайского областного присутствия, на котором решался вопрос о дальнейшей судьбе общества.

За обращением в Правительствующий сенат последовало разбирательство, в которое были втянуты все административные звенья региональной власти. Продолжавшаяся до весны 1911 г. межведомственная переписка позволила в конечном итоге установить, что актюбинский уездный начальник объявление о предстоящем заседании Тургайского областного правления доставил по адресу «заблаговременно». Однако председатель общества Далагказин в этот период находился в отъезде, и все попытки найти его «через посредников» и предоставить информацию оказались безрезультатными. Лишь 7 июня 1910 г. ему стало известно о прошедшем заседании и решении, которое приняло Тургайское областное правление. В результате Правительствующий сенат признал действия правления обоснованными и подтвердил правомочность закрытия общества [2, л. 31].

Несмотря на это 10 октября 1912 г. мусульманская община Актюбинска вновь обратилась к новому губернатору Тургайской области М. М. Эверсману с ходатайством о регистрации ее просветительно-благотворительного общества. В приложенном к ходатайству проекте устава общества, в отличие от проекта устава 1908 г., были значительно расширены направления его деятельности, что свидетельствовало, на наш взгляд, о более взвешенном подходе и эволюции взглядов учредителей общества. В частности, наряду с имевшими ранее место задачами распространения образования и оказания материальной помощи нуждающимся проект устава предполагал издательскую деятельность, организацию публичных библиотек и читален, открытие ремесленных и других школ, назначение стипендий в высшие и средние учебные заведения, проведение «публичных лекций, бесед, литературных вечеров, курсов прикладных знаний, народных митингов». При этом подчеркивалось, что все перечисленные виды работы общества будут осуществляться исключительно в русле «общих законов и распоряжений правительства» [2, л. 54–58].

На заседании Тургайского областного правления, состоявшемся 12 октября 1912 г., мусульманскому просветительно-благотворительному обществу Актюбинска в регистрации было отказано. Поводом к отказу послужил формальный критерий: в рамках действующих Временных правил об обществах и союзах (раздел 1, ст. 22) подписи учредителей общества на ходатайстве о регистрации должны были быть засвидетельствованы нотариально. На основании данного нарушения Тургайское областное правление постановило: «не входя в рассмотрение возбужденного ходатайства по существу, оставить таковое без рассмотрения, о чем и объявить заинтересованным лицам через Актюбинского уездного начальника» [2, л. 42].

Через несколько дней, выполнив все формальные требования, необходимые для регистрации общества, мусульманские лидеры Актюбинска вновь обратились с прошением к тургайскому губернатору. На последовавшем 15 ноября 1912 г. заседании Тургайского областного правления тщательному анализу был подвергнут проект устава общества. Анализ протоколов заседания позволяет с уверенностью говорить о предвзятом отношении его участников к содержанию проекта устава. Так, в процессе рассмотрения проекта выяснилось, что пункт 4 устава предполагал проведение «народных митингов», что, по мнению заседавших в областном присутствии, противоречило Временным правилам об обществах и союзах 1906 г. Поэтому областное правление не находило «возможным допустить по уставу устройство обществом таких митингов». Кроме этого, в проекте устава не был четко зафиксирован размер взносов членов общества, не были прописаны механизмы избрания в правление общества «почетных членов» и ликвидации денежных средств общества в случае его закрытия. На основании перечисленных замечаний мусульманскому обществу Актюбинска вновь было отказано в регистрации [2, л. 52об.].

Устранив все противоречия и замечания по проекту устава, указанные в протоколе заседания Тургайского областного присутствия, 15 января 1913 г. лидеры мусульманского движения в третий раз обратились с прошением на имя тургайского губернатора о регистрации их общества. Поводом для отказа в регистрации на этот раз стал ответ на запрос тургайского губернатора Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД от 10 февраля 1913 г. В нем, в частности, указывалось, что представленное к регистрации общество «имеет конфессиональный характер, а потому и устав его, на точном основании ст.ст. 4 и 5 отд. 1 Временных правил 4 марта 1906 г. об обществах и союзах, не может быть зарегистрирован в порядке указанных правил и подлежал утверждению властью Министра внутренних дел». На основании изложенного департамент просил тургайского губернатора в случае нового ходатайства о регистрации мусульманского общества Актюбинска «препроводить таковое на рассмотрение МВД» [2, л. 72].

Получив уведомление через актюбинского уездного начальника об отказе в регистрации своего общества, мусульманская община Актюбинска больше с подобными ходатайствами не обращалась.

Безрезультатными оказались попытки создания мусульманского просветительского и благотворительного общества Копальского уезда. Первое прошение о регистрации общество подало на имя военного губернатора Семиреченской области В. И. Покотило в начале 1908 г. На заседании Семиреченского областного по делам об обществах присутствия, состоявшемся в июле этого же года, был высказан ряд

серьезных претензий по уставу проекта данного общества. В частности, подчеркивалось, что «в уставе содержатся положения, совершенно недопустимые, как например, об устройстве собраний с участием не членов общества “для популяризации выборных прав”, и присвоении обществу права причислять заявки к средствам общества», что могло, по мнению местной администрации, «угрожать общественному спокойствию». На основании этого было принято решение «в утверждении устава общества Копальских мусульман прогрессистов отказать» [3, л. 17–17об.].

8 апреля 1909 г. копальская мусульманская община вновь представила местным органам власти свой проект устава, исправленный с учетом высказанных замечаний. Назначенный в январе 1909 г. военным губернатором Семиреченской области М. А. Фольбаум отказался рассматривать представленный на утверждение документ, оставив на нем резолюцию: «пока не осмотрюсь в области и не ознакомлюсь ближе с населением, не могу утверждать никаких подобных уставов» [4, л. 11–11об.].

Спустя девять месяцев, в начале января 1910 г. Семиреченское областное по делам об обществах присутствие, рассматривая проект устава копальского мусульманского общества, вновь выявило ряд недочетов. От учредителей общества потребовали указать в проекте места их жительства, порядок вступления новых членов, уплаты членских взносов и еще целый ряд (около восьми) мелких замечаний. На их основании обществу вновь было отказано в утверждении проекта устава [4, л. 11об.].

Через несколько дней после указанного заседания областного присутствия последовало секретное распоряжение военного губернатора Семиреченской области М. А. Фольбаума начальнику полиции г. Верного ротмистру Черкасову. В нем было указано на необходимость «произвести обследование» и собрать информацию «о степени политической благонадежности» учредителей копальского мусульманского общества и «вообще о той почве, на которой зародилась мысль учреждения в Копальском уезде подобного мусульманского общества» [5, л. 7–7об.]. Данное распоряжение, безусловно, свидетельствует о достаточно настороженном подходе местных органов власти к решению вопроса.

Летом 1910 г. последовало третье (и последнее) обращение мусульманской общины Копала с ходатайством о регистрации проекта устава общества, которое они собирались создать. Семиреченское областное по делам об обществах присутствие под председательством вице-губернатора Осташкина и на это раз оказалось верным себе: в регистрации проекта устава обществу было отказано [4, л. 28].

Анализ делопроизводственной документации по истории мусульманских общин Степного края позволяет, таким образом, утверждать, что региональ-

ные органы власти оказывали всевозможное противодействие регистрации обществ и союзов. Данная ситуация объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, в рамках Временных правил об обществах и союзах 1906 г. вся ответственность за регистрацию и последующую деятельность общественных организаций передавалась местным администрациям. Вполне очевидно, что в этих обстоятельствах нужен был взвешенный, продуманный и осторожный подход к принятию положительного решения.

Во-вторых, что более важно, несмотря на введение в начале XX в. некоторых демократических начал в общественно-политической жизни российского общества, государство продолжало следовать имперскому курсу национальной политики, целью которой было стремление сохранить целостность и неделимость его территорий. В данных обстоятельствах тенденции, которые были характерны для политики Российской империи в 70–90-е гг. XIX в. в отношении ислама, продолжали быть актуальными и в начале XX столетия.

Значительный процент мусульман от общей численности населения империи, наличие в ее этнотерриториальной структуре больших «мусульманских анклавов» рассматривались как дестабилизирующий фактор. Именно поэтому во второй половине XIX — начале XX в. была сформирована нормативно-правовая база, определившая принципы функционирования исламских институтов Российской империи, поставившая под контроль их деятельность и создавшая систему «противовесов» росту их влияния на жизнь российского общества.

Религиозная политика в отношении мусульман центральноазиатского региона на законодательном уровне была оформлена Временными положениями об управлении Западно-Сибирским, Оренбургским и Туркестанским генерал-губернаторствами 1867–1868 гг. На их основании духовные дела казахов изымались из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания, их заведование передавалось местным муллам, избираемым из представителей местной этнической среды и утверждаемым местным начальством. Они подчинялись общему Гражданскому управлению и МВД. Разрешалось иметь не более одного муллы в волости. Брачные и семейные дела казахов были изъяты из ведения мусульманского духовенства и подчинены традиционному народному суду биев.

Утвержденное 25 марта 1891 г. Положение об управлении Степным генерал-губернаторством усложнило положение исламских институтов в регионе. Муллы избирались из представителей местной этнической среды, однако утверждались в звании или устранились от дел губернатором области. При этом избрание в каждой волости муллы стало не-

обязательным. К исполнению религиозных обрядов допускались даже лица, не признанные официально духовными. Обязанности мулл не были определены, что лишало их статуса представителей органов управления, а, следовательно, и былой социальной значимости. Муллы также отстранялись от ведения метрических книг, от рассмотрения брачных и семейных дел, которые передавались ведению народного бийского суда, обязаны были выплачивать налоги и нести повинности наравне с остальным населением. Закон предусматривал наказание мулл за вмешательство в названные выше дела как за самовольное присвоение власти.

Деятельность местных региональных органов власти Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в вопросах «казахского ислама», безусловно, осуществлялась в рамках общеимперского законодательства. Им приходилось активно контактировать

и взаимодействовать с мусульманскими лидерами региона, направлять и координировать их деятельность. Но при этом всячески сдерживать рост влияния ислама на общественно-политическую и религиозно-культурную жизнь местного населения. Этим обстоятельством во многом и объясняется тот факт, что региональные органы власти препятствовали открытию и регистрации мусульманских общественных организаций.

В заключение отметим, что установки на ограничение процесса регистрации мусульманских объединений были характерны и для других регионов Российской империи. В частности, к 1915 г. насчитывалось не более 15 исламских организаций, прошедших все этапы регистрации и действующих на официальном уровне. Только одна из них — мусульманское общество Семипалатинска — действовала на территории Степного края.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — Т. 26. — № 27479.
2. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). — Ф. 25. — Оп. 1. — Д. 797а.
3. ЦГА РК. — Ф. 44. — Оп. 1. — Д. 2868.
4. ЦГА РК. — Ф. 44. — Оп. 1. — Д. 3171.
5. ЦГА РК. — Ф. 44. — Оп. 1. — Д. 3024.